

Т. Н. Гончарова

Гончарова Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

ПОСОЛЬСТВО МАРШАЛА МАРМОНА В РОССИЮ В 1826 ГОДУ

3 сентября 1826 г. состоялась коронация императора Николая I на царствие в Успенском соборе Московского Кремля. Французского короля на церемонии представлял маршал Мармон, герцог Рагузский, прибывший во главе блестящего посольства. В силу обстоятельств, повлекших за собой отсрочку коронации, Мармон пробыл в России пять месяцев, с мая по октябрь. За это время он имел возможность собрать для французского правительства информацию о состоянии Российской империи после того шока, каким стали для нее внезапная кончина императора Александра I, междуцарствие и восстание на Сенатской площади. Характер нового императора, его восприятие обществом и армией — вот наиважнейшие объекты наблюдений, занимавшие Мармона наряду с исполнением возложенных на него представительских функций.

За исключением личных рапортов Мармона королю, в статье привлечены к анализу другие ценные источники, которые предоставляют в распоряжение исследователя полезную информацию о рассматриваемом событии, такие как мемуары самого чрезвычайного посла, его личного секретаря Ансело и третьего секретаря посольства Эйрага, а также депеши постоянного посла Ла Ферронэ, регулярно извещавшего правительство о действиях маршала и оказываемом ему приеме.

Проведенное сопоставление разных источников выявляет разницу в подходах Мармона и Ла Ферронэ к выказываемому Николаем I дружелюбию. В то время как Мармон с военной прямоотой принимал царское радушие за чистую монету, Ла Ферронэ призывал свое правительство к осторожности, подозревая императора в тайном стремлении к союзу с Англией. В свете дальнейших событий Ла Ферронэ оказался прав в своем анализе, хотя и оптимизм Мармона оправдал себя в более долгосрочной

перспективе вследствие тесного союза России и Франции в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Ключевые слова: маршал Мармон, Огюст де Ла Ферронаэ, чрезвычайное посольство, коронация императора Николая I, франко-русские отношения.

T. Goncharova

Goncharova Tatiana Nikolaevna — PhD in History, Docent of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University.

E-mail: t.goncharova@spbu.ru; markicha@yandex.ru

MARSHAL MARMONT'S EMBASSY TO RUSSIA (1826)

On September 3rd, 1826, the coronation of Emperor Nicholas took place in the Assumption Cathedral of the Moscow Kremlin. The King of France was represented at the ceremony by Marshal Marmont, Duke of Ragusa, leading a brilliant embassy. Due to the postponement of the coronation, Marmont had to stay five months in Russia, from May to October. During this time, he had a good opportunity to gather information for the French government about the state of the Russian Empire after the shock it had faced following the sudden death of Emperor Alexander, the interregnum and the uprising on the Senate Square. The character of the new Emperor, his perception by society and by the army – these are the main objects that focused Marmont's interest along with the performance of his representative functions.

With the exception of Marmont's personal reports to the King, other valuable sources are brought to analysis in the article which give us useful information about this event, such as the testimonies of the extraordinary ambassador, those of his personal secretary Ancelot and the third secretary of the Embassy Eyragues, as well as the dispatches of the permanent ambassador La Ferronnays, who regularly informed the government of the actions of the Marshal and the reception he received.

A comparison of the various sources reveals a difference in the approaches of Marmont and La Ferronnays to the friendliness shown by Nicholas I. While Marmont, with military frankness, accepted the imperial hospitality at face value, La Ferronnays urged his

government to be cautious, as he suspected the Emperor of secretly desiring an alliance with England. In the light of further events, La Ferronnays was right in his analysis, although Marmont's optimism proved itself in the longer term as Russia and France acted as close partners at the time of the Russian-Turkish war of 1828–1829.

Key words: Marshal Marmont, Auguste de La Ferronnays, Extraordinary Embassy, coronation of Emperor Nicholas I, Franco-Russian relations.

Император Николай I унаследовал престол Российской империи, согласно воле своего старшего брата Александра I после того, как тот скоропостижно скончался в Таганроге 19 ноября (1 декабря) 1825 г. Поспешная присяга Николая Павловича среднему брату Константину, вопреки подписанному Александром I в 1823 г. манифесту, утвердившему отречение цесаревича, повлекла за собой заминку в преемственности самодержавной власти, вошедшую в историю как междуцарствие. Между тем манифест о восшествии на престол Николая I, оглашенный на Государственном совете 13 декабря, вел отсчет времени его вступления на престол днем смерти Александра I. Царствие началось с кровавого подавления восстания на Сенатской площади 14 (26) декабря, в день присяги на верность новому государю. Далее, в соответствии с традицией, «дивизионному генералу, внезапно ставшему императором», предстояло короноваться на царство в Успенском соборе Московского Кремля. Церемония планировалась на июнь, как извещал коронационный манифест от 21 апреля 1826 г.

После серии визитов зарубежных посланников, уполномоченных выразить соболезнования императорской семье по случаю кончины Александра I, настал черед для чрезвычайных посольств, отправленных для присутствия на коронационных торжествах в Москве. В феврале 1826 г. маршал Мармон, герцог Рагузский, получил назначение представлять в России французского короля Карла X. Вот как маршал, без ложной скромности, объяснил свое назначение: «Нужен был во что бы то ни стало военный, чье имя было бы известно и который напоминал бы о нашей великой эпохе. <...> Нужен был, к тому же, светский человек, имеющий вкус к обществу и обыкновение там бывать. Король рассудил, что я подхожу

по этим двум параметрам, и выбор пал на меня»¹. Все же, как представляется, Мармон забыл указать еще одну причину, быть может, главную, а именно свидетельство преданности, данное им Бурбонам 5 апреля 1814 г., когда его переход на сторону коалиции лишил Наполеона линии Эссона, последней надежды в намеченных им планах отвоевания Парижа и важного козыря в переговорном процессе об отречении императора в пользу его сына короля Римского.

Личность посла и состав чрезвычайного посольства

Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон (1774–1852), одна из знаковых фигур ближайшего военного окружения Наполеона, прославил свое имя на полях многих сражений наполеоновской эпохи, удостоившись титула герцога Рагузского в 1808 г. и звания маршала империи в 1809 г. Неоднократно в ходе своей длительной военной карьеры, начало которой было положено в 1793 г. при осаде Тулона под командованием капитана артиллерии Бонапарта, Мармону приходилось вести бои против русских воинских подразделений. Назначенный генерал-губернатором Далмации в 1806 г., после заключения Пресбургского мира с Австрией, он вынужден был оборонять город Рагузу (современный Дубровник) в упорной борьбе против адмирала Сенявина. В битве при Кастельнуово (2 октября 1806), не имевшей, впрочем, решающего значения, Мармон потерпел поражение от русских и черногорцев, продемонстрировав неспособность вытеснить русских из Бокка-ди-Каттаро. Понадобился Тильзитский мирный договор (7 июля 1807), чтобы обязать Россию не препятствовать Наполеону в установлении контроля над адриатическим побережьем, уступленным ему австрийским императором Францем. Главкомандующий французскими войсками в Португалии с 1811 г., Мармон не смог принять участие в Русском походе Наполеона. Дальнейшие боевые столкновения маршала с русскими относятся уже к Германской и Французской кампаниям 1813 и 1814 гг. В сражении при Лютцене (2 мая 1813) находившийся под его командованием 6-й корпус сумел эффективно противостоять объединенной русско-прусской армии. В битве при Шампобере, 8 февраля 1814 г., Мармон разгромил малочисленный русский корпус генерала Олсуфьева, а месяц спустя в битве при Реймсе (13 марта) принял участие в победоносной атаке на русский корпус генерала Сен-При.

¹Mémoires du maréchal Marmont, duc de Raguse, de 1792 à 1841: imprimés sur le manuscrit original de l'auteur. En 9 volumes. Vol. 8. Paris, 1857. P. 17.

Облеченный доверием Наполеона, Мармон принял активное участие в обороне Парижа 30 марта 1814 г. от надвигающихся войск коалиции, главным образом, русских корпусов Блюхера и Шварценберга. Командование французскими силами после отбытия Жозефа Бонапарта легло на его плечи. После отчаянного сопротивления превосходящим силам противника, Мармон воспользовался данным ему разрешением вступить в переговоры с союзниками, которые закончились подписанием 31 марта капитуляции Парижа с предварительно выговоренным правом эвакуации французских войск за пределы столицы. В то время как войска союзников вступали в Париж, Мармон со своим корпусом отступил к югу, заняв позицию в Эссоне. Решение сдать столицу, которая, вероятно, могла бы продержаться еще два дня в ожидании подкреплений, как и дальнейшие действия Мармона вызвали в его адрес обвинения в измене, со стороны сторонников Первой империи и самого Наполеона.

4 апреля, в тайне от Наполеона, который планировал атаку на захваченный союзниками Париж, Мармон вступил в тайные переговоры с австрийским генералом Шварценбергом. Выговорив возможность переместить свой армейский корпус в Нормандию, переведя его через союзнические заградительные линии, он поставил условием сохранение жизни и свободы Наполеона. Однако известие о готовности императора подписать акт отречения в пользу своего малолетнего сына при регентстве императрицы Марии-Луизы, заставило Мармона пересмотреть свои планы. Единение французской армии под знаменами наследника Наполеона могло стать единственным козырем в переговорах с императором Александром I, чьи заявления о нежелании иметь дело с поверженным противником или с членами его семьи были известны. Присоединившись к делегации в составе Нея, Макдональда и Коленкура, Мармон прибыл в Париж для переговоров с царем 5 апреля, предварительно наказав генералу Суаму, оставленному им командовать 6-м корпусом в его отсутствие, не двигаться с места. Однако Суам нарушил данное им обещание и перешел на сторону союзников, выдвинув 6-й корпус в Версаль, что окончательно отвратило Александра I от переговоров на предложенных Наполеоном условиях. 6 апреля Наполеон подписал в Фонтенбло акт безоговорочного отречения от престола, что означало конец империи.

Образ предателя закрепился за именем Мармона. Наполеон немало тому способствовал, доверив Лас-Казу на Святой Елене следующие свои размышления: «Меня предал Мармон, которого я мог бы назвать своим сыном, своим отпрыском, делом моих рук. Я вручил ему свою судьбу,

направив в Париж, но он изменил мне и способствовал моей гибели»². Французский словарь неологизмов, в результате, пополнился глаголом «*raguser*», за основу которого был взят титул Мармона — герцог Рагузский, став синонимом слов «изменять», «предать».

Режим Реставрации окружил маршала Мармона почестями. При Первой Реставрации он получил назначение командующим роты королевских телохранителей, пэром Франции, стал кавалером ордена Св. Людовика. В период «Ста дней» маршал демонстрировал лояльное Бурбонам поведение, последовав за Людовиком XVIII в Гент, в результате чего при Второй Реставрации также удостоился почестей в виде назначения генерал-майором королевской гвардии и кавалером ордена Св. Духа. 29 мая 1825 г. Мармон присутствовал на церемонии коронации Карла X в соборе Реймса, не подозревая, что всего год спустя ему придется представлять его на коронации российского императора. Сам он считал, что его назначение в конце февраля 1826 г. в качестве чрезвычайного посла в Россию извлекло его на свет божий из мрака и забвения. Годы спустя, занимаясь написанием мемуаров, Мармон вспоминал о своем посольстве как о «приятном эпизоде» в своей жизни³.

К слову, мемуары Мармона, изданные после его смерти, в 1856–1857 г., в девяти томах, в той их части, которая касалась чрезвычайного посольства их автора в Санкт-Петербург, были написаны в 1830-е годы в эмиграции в Вене, где маршал вынужден был обосноваться после Июльской революции. Назначенный главнокомандующим войсками Парижского гарнизона в ходе трех революционных дней, 27, 28 и 29 июля, Мармон попытался спасти корону Карла X, но крайне непопулярный среди солдат, не имея необходимого количества боеприпасов и в отсутствие подкреплений, не смог восстановить контроль над столицей. В первые дни августа Мармон сопровождал покинутого войсками короля до Шербурга, где сел на корабль и отправился в эмиграцию. Слишком опасно было ему оставаться во Франции, где революционеры вызвали к отмщению, выставляя маршала инициатором кровавых репрессий на улицах Парижа, в то время как доподлинно известно, что Мармон, напротив, пытался убедить короля и Полиньяка в необходимости вступить в переговоры и отозвать ордонансы Сен-Клу, так что в придворных кругах его даже заподозрили в измене. Объект ненависти одновременно бонапартистов, орле-

²*Лас-Каз граф*. Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. М., 2010. Кн. 1. С. 453.

³*Mémoires du maréchal Marmont...* Vol. 8. P. 17–18.

анистов и роялистов, Мармон имел все основания считать свою политическую и военную карьеру законченной, когда описывал в мемуарах свое пребывание в России на торжествах по случаю коронации Николая I.

Кроме свидетельства, оставленного Мармоном в мемуарах, к исследованию были привлечены депеши Огюста де Ла Ферронэ, тогдашнего постоянного посла Франции в России, каковые представляют собой полезное дополнение⁴. Что же до рапортов, которые Мармон по долгу службы отправлял в Париж, они скорее всего были адресованы непосредственно королю Карлу X, чем объясняется их отсутствие в фондах Дипломатического архива Франции. Можно предположить их наличие в фондах французского Национального архива, но автор данной статьи пока не смогла проверить это предположение.

Возглавленное Мармоном чрезвычайное посольство произвело неизгладимое впечатление на современников своим размахом. Значительные денежные средства были предоставлены в его распоряжение. Посольство насчитывало 15 человек, включая генералов и «сливки» французской аристократии. В свите маршала числились три бригадных генерала: виконт де Бройль, граф де Дамремон, виконт де Талон; три полковника: граф де Караман, маркиз де Кастри, маркиз де Подна; граф Альфред де Дама, командир эскадрона; капитаны виконт Эммануэль де Брезе и граф де Вильфранш; три подпоручика, шевалье посольства, граф де Бирон, виконт Шарль де Ла Ферронэ⁵, граф де Воге; адъютанты граф де Круа и граф де Майе; секретарь посла, известный драматург, автор трагедий, которые ставились во французских театрах, Франсуа Ансело⁶. Некоторые из них уже побывали в России вместе с Великой армией Наполеона в 1812 г. Театральные пьесы Ансело пользовались успехом в России, их издания находились, в частности, в библиотеке А. С. Пушкина⁷. После

⁴Огюст де Ла Ферронэ (1777–1842) являлся послом Франции при российском дворе с 1819 по 1827 гг. См.: *Гончарова Т. Н.* Консульская служба Франции в России: от основания до 1814 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 61–68; *Гончарова Т. Н.* Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17(2). С. 48–79.

⁵Сын французского посла в России Шарль де Ла Ферронэ (1805–1863). См.: *Гончарова Т. Н.* Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург, 2017. С. 81, 86, 96, 103, 255.

⁶См.: *Mémoires du maréchal Marmont...* Vol. 8. P. 18.

⁷*Vitale S.* Le bouton de Pouchkine. Enquête sur la mort d'un poète. Paris, 1998. P. 161.

своего возвращения во Францию, Ансело издал книгу «Шесть месяцев в России» (1827), составленную из писем к своему другу Ксавье Сентину⁸.

Выехав из Парижа 19 апреля 1826 г., чрезвычайное посольство короля Франции отправилось в направлении Санкт-Петербурга небольшими перегонами, проехав через Веймар, Берлин, Митау.

В ожидании церемонии коронации

По мере приближения коронации, изначально планировавшейся на июнь 1826 г., принцы, маршалы, дипломаты устремлялись в Санкт-Петербург в предвидении превосходного спектакля, на котором они должны были представлять своих монархов в качестве чрезвычайных послов, специально аккредитованных с этой целью. Герцог Девонширский представлял короля Англии, принц Гессен-Гомбургский — императора Австрии, старый маршал Штединг, который еще присутствовал на коронации Павла I в 1796 г., представлял Швецию, король Пруссии отправил собственного сына, принца Карла, младшего брата новой императрицы России Александры Федоровны. Все малые европейские дворы отправили также своих представителей.

Каждый чрезвычайный посол прибывал в сопровождении свиты. Имело место встречное движение между вновь прибывающими и теми, кто уезжал из Петербурга, выразив соболезнования по поводу кончины императора Александра I и поздравления Николаю I с восшествием на трон. На большой дороге, ведущей из Парижа в Берлин, Мармон встретил, таким образом, герцога Веллингтона и баварского маршала принца де Вреде⁹.

1 (13) мая Мармон прибыл в столицу Петра Великого, но церемония коронации оказалась отложенной вследствие неожиданной смерти импе-

⁸ Ансело Ф. Шесть месяцев в России. Письма к Ксавье Сентину, сочиненные в 1826 году, в пору коронования его императорского величества / Вступит. статья, пер. с фр. и комментарии Н. М. Сперанской. М., 2001. Отметим, что в предисловии к своей книге Ансело отрицал слухи о себе как «рифмоплете из посольства», «оплачиваемом поэте» и настаивал на своем статусе «свободного и безвестного путешественника», чья мысль не была скована никакими официальными путями. См.: *Ancelet F. Six mois en Russie. Paris, 1827. P. II–III.* Заявил ли он это ради литературного эффекта? Во всяком случае, Ансело фигурирует в мемуарах Мармона как член свиты маршала. См.: *Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 18.*

⁹*Mémoires du maréchal Marmont. Vol. 8. P. 19–20.*

патрицы Елизаветы Алексеевны, супруги Александра I¹⁰. В результате, Мармону пришлось пробыть в России пять месяцев вместо одного или с учетом дороги — шесть месяцев вместо двух. Он получил, таким образом, достаточно времени для наблюдений и записей, которые пригодились ему позднее в момент написания мемуаров. Из его записей становится ясно, что помимо чисто представительской функции, он придавал большое значение налаживанию более тесных связей между Россией и Францией, наблюдению за новым императором и изучению его политических взглядов, а также желал составить себе как можно более емкое представление о внутреннем состоянии Российской империи после потрясения 14 (26) декабря 1825 г.

19 мая Николай I принял Мармона на торжественной аудиенции во дворце Эрмитажа. Получасовая беседа была сосредоточена на таких темах, как королевская семья, служба Мармона у Наполеона и прошедшие войны. Члены чрезвычайного посольства, в свою очередь, удостоились представления императору. На следующий день Мармон был принят императрицей Александрой Федоровной в Аничковом дворце.

Ла Ферронэ доносил министру иностранных дел М. де Дама, что «невозможно желать более полного и более универсального успеха, чем тот, который имеет здесь герцог Рагузский»¹¹. Приемы маршала, который остановился в доме Бергина, на Исаакиевской площади, на углу Большой Морской улицы, быстро стали местом встречи всех старших офицеров и всего, что имелось в столице наиболее видного: «Тон, благородные манеры, беседа месье маршала, великолепие его приемов, сдержанность и прекрасная выправка молодых людей, которые составляют его посольство, гарантируют нам, что во всех мыслимых отношениях, эта чрезвычайная миссия будет иметь не только преимущество, состоящее в том, что не будет ей равных, что было бы лишь успехом для тщеславия, но она достигнет цели наиболее важной, которая состоит в наибольшем сближении двух наций и в укреплении связей, которые политика и настроения других кабинетов могут сделать полезными для интересов обоих государств»¹².

¹⁰Елизавета Алексеевна, урожденная Луиза Мария Августа Баденская умерла 4 (16) мая 1826 г. в г. Белёв Тульской губернии.

¹¹Конфиденциальная депеша Ла Ферронэ к Дама от 9 июня 1826. *Correspondance politique: Russie*. Volume 171. F. 120. Далее – *СР Russie*. Vol. 171. F. 120.

¹² *Ibid.* Vol. 171. F. 121.

Надо полагать, что маршал Мармон, действительно, обладал приятными манерами, которые располагали к нему собеседников. Так, маркиза де Монкальм, сестра герцога де Ришелье, находила его любезным, «восхитительным и роскошным в своих манерах»¹³.

Задержавшись в Санкт-Петербурге дольше, чем предполагалось, Мармон приложил усилия к тому, чтобы разобраться в характере нового российского императора. Он зафиксировал этот интерес: «То, что, вне всякого сравнения, было для меня более всего занимательным, это видеть, изучать и узнавать императора Николая»¹⁴.

Наблюдая, как император муштрует свои войска в Петербурге и на полях Царского села, Мармон восхищается совершенством и легкостью, с какими он управляет массами военных. Несмотря на ревматизм, он прилежно посещал парады и маневры, особенно те, где находился император. «Мой долг состоял в том, чтобы ухаживать за ним, стараться ему понравиться и консолидировать хорошие отношения, существующие между ним и королем Франции»¹⁵. Мармон свидетельствует, впрочем, об удовольствии, которое ему доставляло общение с Николаем I, поскольку император неизменно демонстрировал благосклонность к нему лично и расположение к Франции.

Мармон не считает его воинственным, нисколько, находит его взгляды умеренными, пишет о свойственной царю филантропии. Скорее всего, эти размышления Мармона были навеяны ему сдержанным поведением царя по итогам победоносной войны с Турцией 1828–1829 гг., то есть постфактум. Вряд ли такое впечатление могло сложиться у него непосредственно в период пребывания в Санкт-Петербурге, где император был занят парадами и военной муштрой. Маршал констатирует, что Николай I был мало любим в России в эпоху его коронации и поверяет испытанное им вследствие этого чувство негодования. По его мнению, причины досадных предубеждений против характера Николая I крылись в слишком большом усердии, которое он прилагал для того, чтобы муштровать свою бригаду гвардейцев в то время, когда был всего лишь великим князем, не имевшим доступ к государственным делам. Его склонность к экономии также скорее всего вредила ему в глазах дворянства, имеющего обыкновение сорить деньгами.

¹³*Montcalm, marquise de. Mon journal pendant le premier ministère de mon frère. Publié par Sébastien Charlety. Paris, 1936. P. 230–232.*

¹⁴*Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 47.*

¹⁵*Ibid. Vol. 8. P. 54.*

Неблагоприятное мнение сложилось о Николае I и во Франции, но по другой причине — вследствие процесса декабристов. Мармон комментирует эту ситуацию: «Либералы много обвиняли императора Николая в чрезмерной суровости в деле о заговоре, имевшем место в тот момент, когда он вззошел на престол, они в этих обстоятельствах, как и в тысяче других, были несправедливы и лицемерны. <...> Пять индивидуумов, приговоренных к повешению, были единственными казненными, что не мешает кричать о варварстве!»¹⁶ В данном случае также комментарии делаются постфактум. В период пребывания Мармона в Санкт-Петербурге в ожидании коронации уголовный процесс декабристов еще не был окончен. Объявление судом приговоров декабристам по обвинению в государственной измене имело место в начале июля 1826 г., накануне отъезда Мармона в Москву. В результате, было казнено пять человек, а остальные отправлены на каторгу. В отличие от многих иностранных наблюдателей, Мармон не поет дифирамбы смелости Николая I во время восстания на Сенатской площади, но выносит одобрительное суждение об организации процесса по делу о декабристах: гласность расследования, большое количество смягченных наказаний... Мармон полностью порицает авторов заговора и находит его тем более «ужасным», что он был замышлен лицами из высшего дворянства, обязанными императору своей привилегированной ситуацией. Его также приводит в смятение необычное осуществление «сумасшедшего» предприятия. Что же до целей, он находит их попросту неразумными: «Одни хотели разделения Империи; другие республики <...> все было путаница и безумие»¹⁷.

Говоря о проекте Николая I **реформировать имперскую администрацию**, известную своей коррумпированностью, Мармон находит в этом дополнительный мотив для того, чтобы восхищаться царем, поскольку это будет работа, как он справедливо замечает, «подобная тем, что выполнял Геракл»¹⁸. Наполеоновский маршал верил в способность молодого императора регенерировать свой народ и создать лучший порядок вещей, чем тот, который он застал, придя к власти¹⁹.

В своем качестве военного, генерала артиллерии, Мармон смог сформировать свое мнение относительно качеств и недостатков всех видов оружия в России, при этом его наиболее компетентное суждение каса-

¹⁶Ibid. Vol.8. P. 51, 53.

¹⁷Mémoires du maréchal Marmont... Vol.8. P. 51, 52.

¹⁸Ibid. Vol. 8. P. 51, 60.

¹⁹Ibid. Vol. 8. P. 51, 121.

лось, естественно, его специальности. Он оставил обстоятельные комментарии на этот счет на протяжении всего рассказа о своем пребывании в России и посвятил этому отдельную главу, озаглавленную «Русская армия»²⁰. Ему посчастливилось увидеть один за другим «Преображенский и Московский полки, финляндских и гвардейских егерей, Павловский, а также Измайловский полки и гренадерский корпус...»²¹. В компании императора Мармон поднялся на борт главных кораблей Кронштадтской флотилии в тот момент, когда она выходила из Финского залива для того, чтобы совершить морские маневры на Балтике²².

Кроме контактов с императором и представителями российского двора, известно, что в Мармон имел в Петербурге встречу с генералом А.-А. Жомини. Как и за Мармоном, за Жомини закрепилась репутация предателя после того, как оскорбленный недооценкой его военных способностей и задержкой очередного звания, он перешел в ряды антифранцузской коалиции в кампанию 1813 г. При встрече два бывших соратника Наполеона обсудили военные вопросы канувшей в лету эпохи и, в частности, сражение при Саламанке 22 июля 1812 г., в ходе которого Мармон командовал французской армией Португалии, но потерпел поражение. Судя по всему, Жомини, известный своим талантом стратега, повторил маршалу те же самые упреки в неоправданной поспешности и плохой координации действий, которые в свое время сделал ему Наполеон²³.

Что же касается непосредственной цели пребывания посольства Мармона в России, долгое время ничего не было известно о точном времени церемонии коронации. Российские власти, казалось, медлили, и дата, которая, по слухам, уже была точно определена, все время отодвигалась. Похороны императора Александра I, потом **транспортировка тела и похороны императрицы Елизаветы Алексеевны**, наконец, следствие по делу декабристов, все это требовало времени. И только в конце июля – начале августа российский двор и чрезвычайные посольства покинули Петербург, чтобы присутствовать на коронационных торжествах в Москве. Два посольства Франции в России, чрезвычайное во главе с маршалом Мармоном и постоянное во главе с графом де Ла Ферронэ, поступили точно так же.

²⁰Ibid. Vol. 8. P. 51, 156–179.

²¹Ibid. Vol. 8. P. 51, 103.

²²Ibid. Vol. 8. P. 51, 92–93.

²³*Christophe R. Le Maréchal Marmont: Duc de Raguse. Paris, 1968. P. 243.*

Ла Ферронэ предупредил министерство в своей депеше от 23 июля, что герцог Рагузский собирался отправиться в Москву несколькими днями ранее него самого и уже отправил туда многих членов своей свиты. Он вновь рассыпался в похвалах относительно поведения маршала и его посольства в Петербурге. Посол настаивал в особенности на политической пользе от укрепившейся симпатии между Францией и Россией. «Месье маршал, коего непредвиденные обстоятельства заставили остаться в Санкт-Петербурге намного дольше, чем он изначально предполагал, оставит, я в этом не сомневаюсь, в российской столице драгоценные воспоминания о своем в ней пребывании. Было бы сложно выполнить с большей честью миссию, которая была ему доверена, и месье герцог Рагузский в полной мере оправдал высокое мнение, которое уже имелось в отношении его тона и манер. Невозможно держать дом лучше, чем он это делал, в более подходящей для обстоятельств манере, и более достойно представлять государя, который его выбрал для этой миссии»²⁴. Первоначальное опасение, внушенное Ла Ферронэ большим количеством участников чрезвычайного посольства, совершенно развеялось в силу примерного поведения господ из окружения Мармона.

По мнению постоянного посла, роскошные приемы маршала должны были понравиться высшему обществу Санкт-Петербурга и еще лучше настроить россиян в пользу Франции, в особенности в сравнении со скупыми вечерами герцога Девонширского²⁵. В целом, французское чрезвычайное посольство приобрело репутацию наиболее блестящего, пышного и гостеприимного из всех тех, которые присутствовали тогда в городе на Неве.

Церемония коронации и празднества в Москве

В Москве чрезвычайное и постоянное посольства Франции должны были представлять вместе своего короля на празднествах по случаю коронации Николая I, но Ла Ферронэ при этом старался уйти в тень, оставив больше пространства чрезвычайному послу.

Мармон и его свита обосновались во дворце Куракина, расположенном в Старой Басманной улице, «одном из самых больших в Москве, одном из тех, которые по чистой случайности не сгорели в огне пожара 1812 года»²⁶. 6 августа дипломатический корпус, собравшись в доме,

²⁴Депеша Ла Ферронэ от 23 июля 1826. CP Russie. Vol. 171. F. 88.

²⁵Ibid. Vol. 171. F. 89.

²⁶Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 135.

удобно расположенном по пути в Кремль, имел возможность наблюдать за прохождением императорского кортежа во время его торжественного вступления в Москву, вдали от восторженного шума толпы, расположившейся на примыкающих улицах²⁷. По этому случаю маршал высказал критику в отношении устаревших экипажей, использовавшихся во время торжественного въезда: «Кортеж, как и экипажи, были посредственными. Русские, ощущая необходимость старить себя, стараются до смешного найти употребление вещам, которые у нас были бы отброшены. Так, например, уродливые экипажи, какие были в употреблении шестьдесят лет назад, заботливо сохраняются при дворе для церемоний»²⁸.

8 августа Мармон был представлен императрице Марии Федоровне, которую нашел «импозантной с виду, но театральной»²⁹. В этой связи посол поднимает вопрос женских влияний на императора, не видя ни одного доказательства их существования. Императрица-мать желала бы руководить своим сыном, но тот обладал слишком сильным характером и хорошо знал свои права, чтобы позволить ей опекать себя³⁰.

Маршал ставил себе в заслугу, что не пропустил ни одного парада или военного маневра, которые в большом количестве совершались в Москве в предшествующие коронации дни³¹. Депеши Ла Ферронэ подтверждают это утверждение. Один из наиболее блестящих парадов прошел 11 августа, когда император Николай I, **окруженный многочисленным генеральным штабом**, а также военными иностранцами, провел смотр на большом поле перед Петровским замком всем войскам, объединенным в окрестностях Москвы³². Военные операции закончились 28 и 29 августа большими маневрами, имитирующими бои между двумя армейскими корпусами. Император командовал Московским корпусом, генерал инфантерии Жорж Розен был поставлен во главе противной стороны³³. Рассказ Мармона о своем пребывании в России изобилует эпитетами в превосходной степени, в том числе и тогда, когда речь идет о военном деле. Так, описы-

²⁷Депеша Ла Ферронэ от 12 августа 1826 (n° 62) из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 135.

²⁸Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 118.

²⁹Ibid. Vol. 8. P. 116.

³⁰Ibid. Vol. 8. P. 116–119.

³¹Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 120–121.

³²Депеша Ла Ферронэ от 12 августа 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 136–137.

³³Депеша Ла Ферронэ от 2 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 188.

вая корпуса русской армии, расположившейся на стоянку в окрестностях Москвы численным составом около 60 000 человек, выдавший виды маршал констатирует: «Ничего более прекрасного в своей жизни не видел»³⁴.

Одно событие более всего произвело впечатление на умы, это внезапный приезд великого князя Константина Павловича, принявшего решение присутствовать на коронации своего брата. Как и многие другие очевидцы тех событий, Мармон отмечает трогательный характер этого присутствия³⁵. Среди дипломатического корпуса в России, как и за границей, были распространены слухи о том, что Константин, отказавшись от короны во исполнение взятого на себя ранее обязательства, затем испытывал сожаления. Им-то и приписывали его предполагавшееся отсутствие на коронации. Адресованным Александру I **письмом великий князь Константин** отрекся от престолонаследия после заключения им в 1820 г.morganaticкого брака с Жоанной Грудзинской (принцессой Лович). Это тайное отречение подтвердил манифест Александра I от 16 (28) августа 1823 г., подлежащий огласке после его кончины. Тем не менее, в декабре 1825 г. будущий Николай I распорядился принести присягу своему брату Константину, и только получив от него письменное подтверждение отречения, провозгласил себя императором. Ансело не сомневался в искренности великого князя: «Мне известно, что многие в Европе не верят в то, что возможно устоять перед притягательностью верховной власти...»³⁶. Что же до народа, то он склонен был верить в то, что Константин удерживался пленником в Варшаве³⁷. Его внезапное прибытие в Москву было воспринято как подтверждение восшествия на престол Николая I, что позволило развеять все сомнения³⁸.

Ла Ферронэ отмечает энтузиазм толпы, которая истолковала сбор императорской семьи как залог счастливого будущего. Эта радость невольно раскрывала «обеспокоенность, порожденную предполагав-

³⁴Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 119.

³⁵Ансело отмечал важное политическое значение этого события. *Ансело Ф. Шесть месяцев в России...* С. 138–140. Эйраг отзывался о прибытии Константина в Москву как о «самой интересной и драматической части» коронации. *Eyragues, marquis d'. Mémoires...* P. 142.

³⁶ *Ансело Ф. Шесть месяцев в России...* С. 139.

³⁷Там же. Ансело признается: «...сам я, признаюсь, не знал, как толковать это отсутствие, рождавшее столько домыслов».

³⁸Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 129.

шимся неприездом великого князя»³⁹. По мнению посла, если бы цесаревич упорствовал в своем отказе приехать в Москву, то глухое беспокойство, поддерживаемое его отсутствием, могло бы стать очень опасным.

Константин прибыл в Москву 25 августа, как раз вовремя, чтобы успеть принять участие в церемонии, запланированной на 27-е. Однако событие было отложено на восемь дней. В течение этой недели, в ходе которой великий князь регулярно присутствовал на парадах и маневрах рядом с императором, Мармон предавался наблюдениям за внутренней борьбой, которая развертывалась в нем между самыми противоречивыми чувствами. На параде, на следующий день после прибытия цесаревича, он отмечает «отвратительное»⁴⁰ выражение его лица, как если бы пребывание в Москве было ему невыносимо. Ла Ферронэ, со своей стороны, сообщал своему правительству, что скверное настроение великого князя чинило препятствия дипломатическому корпусу засвидетельствовать ему свое почтение. Исключение было сделано лишь для очень ограниченного круга лиц, среди прочих для него самого и для Мармона, который через день после приезда великого князя был допущен к встрече с ним и смог представить ему всех офицеров, приписанных к его посольству⁴¹.

Во время этой беседы Мармон имел возможность убедиться, что его подозрения насчет тысячи противоречивых чувств, пожиравших великого князя, имели под собой все основания. Он нашел, что словам цесаревича не хватало связности. Беседа велась вокруг событий междуцарствия. «Он рассказал мне о том, что произошло в неясной манере, сказал, что был уязвлен сомнениями младшего брата в твердости его решения»⁴².

В тот же день, Ла Ферронэ получил приглашение посетить Константина в качестве «хорошего старого знакомого»⁴³. Беседа велась, среди прочего, также о событиях междуцарствия, и великий князь обвинил Сенат и Государственный Совет в том, что они пренебрегли своим долгом, послушавшись волеизъявления Александра I. Более того, он квалифицировал их действия как «мятежный акт»⁴⁴. Как и в разговоре с Мармоном, цесаревич уверял, что не имеет качеств, необходимых для главы государства,

³⁹Депеша Ла Ферронэ от 3 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 190.

⁴⁰Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 129.

⁴¹Депеша Ла Ферронэ от 3 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 161.

⁴²Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 130.

⁴³Депеша Ла Ферронэ от 3 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 161.

⁴⁴Ibid. Vol. 171. F. 162.

и не чувствует никакого сожаления из-за отречения от своих прав на престолонаследие. Контантин Павлович расчувствовался, и посол вышел от него еще более убежденным в том, что великий князь будет испытывать невероятные сложности в деле подчинения власти своего младшего брата.

Наконец, к концу недели, Мармон констатировал радикальную перемену в настроении Контантина, успокоенного почтением, демонстрируемым по отношению к нему императором Николаем⁴⁵. Его лицо утратило гневливое выражение и светилось от удовольствия, доставляемого чистой совестью. «Мне никогда не приходилось видеть подобной метаморфозы», удивлялся Мармон⁴⁶.

3 сентября состоялась столь ожидаемая церемония коронации. На следующий день Ла Ферронэ написал депешу, где ограничился кратким изложением главных деталей протокола. На Мармоне возлежала обязанность отправить в Париж по возможности полный рассказ о том, что имело место во время торжеств коронации и помазания на царство⁴⁷. Можно предположить с высокой долей вероятности, что Мармон намного сократил в своих мемуарах изложение, отосланное им в свое время в Париж. К тому же, он ошибся датой, указав 4 сентября в качестве дня коронации⁴⁸.

В своем описании Мармон останавливается на скромных размерах Успенского собора, в стенах которого прошла церемония. Небольшие размеры русских церквей часто, впрочем, становились предметом удивления в рассказах путешественников. В глазах Мармона, эта церковь соответствует размерам часовни по меркам западного мира. Он отмечает сходство в деталях коронации и помазания на царство в России с тем, что происходит обыкновенно в Реймсе. «Стоит заметить, что коронация принца предшествует помазанию, в то время как во Франции корона помещается на голову и происходит интронизация только после того, как совершено помазание»⁴⁹.

Духовная атмосфера церемонии произвела большое впечатление на Мармона. Трогательные отношения императрицы-матери, цесаревича и императора были отмечены им особо. Великий князь Константин, который исполнял при персоне своего брата обязанности дежурного адъютанта, изящным движением принял из его рук обнаженную шпагу, когда

⁴⁵Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 131.

⁴⁶Ibid.

⁴⁷Депеша Ла Ферронэ от 4 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 194.

⁴⁸Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 131.

⁴⁹Ibid. Vol. 8. P. 132.

Николай I подходил к Святому причастию. «Можно было подумать, видя шпагу в его руках, что она под надежной охраной»⁵⁰. Возгласы общей радости вкупе со звуком колоколов, песнопениями священников, оглушительным шумом пушечной стрельбы встретили императора на выходе из церкви. Мармон был тому свидетелем, стоя вместе с другими послами на большом крыльце императорского дворца, известного в истории России массовым убийством бояр стрельцами в 1682 г.⁵¹ В соответствии с протоколом, императорская чета направилась к церкви Святого Михаила, где царь раскланялся перед могилами своих предков.

Рассказ Ла Ферронэ более подробный, и неудивительно, ведь его депеши — синхронный документ. В 7 часов утра 120 членов дипломатического корпуса собрались в Кремле, в Золотом зале царского дворца. В 8.30 дипломатический корпус проник внутрь Успенского собора, где послы и их свиты заняли отведенные для них места. Ла Ферронэ, в свою очередь, отмечает нежную заботу императора по отношению к своей матери в тот момент, когда она готова была пасть перед ним ниц, а он с короной на голове поспешил поднять ее. Его рассказ пропитан большей чувствительностью, нежели рассказ герцога Рагузского (это и понятно, ведь он пишет непосредственно по своим впечатлениям, в то время как Мармон много лет спустя — по памяти), особенно при описании сцены братского объятия. «Эмоции зашкаливали, когда к младшему брату подошел великий князь Константин в тот момент, когда тот принимал корону, предназначенную ему по естественный порядку природы. Именно в этот момент всеобщего интереса, который можно назвать драматическим, все были поражены манерой одновременно благородной и трогательной, с какой император помешал своему брату простереться перед ним, и когда увидели, как два августейших брата устремились в объятия друг к другу и дали таким образом наиболее пламенные свидетельства союза и самый ценный залог согласия, который не мог быть провозглашен в более торжественной манере на глазах у русского народа и посланцев Европы»⁵².

Ансело и Эйраг, присутствовавшие на церемонии, также нашли сцену волнительной⁵³. Эйраг к тому же добавил, что Константин, идя вперед, чтобы принести своему брату присягу в верности и почтении, кинул

⁵⁰Ibid. Vol. 8. P. 133.

⁵¹См. *Heller M. Histoire de la Russie et de son empire*. Paris, 1997. P. 384–386.

⁵²Депеша Ла Ферронэ от 4 сентября 1826 из Москвы. *CP Russie*. Vol. 171. F. 195.

⁵³См.: *Ансело Ф. Шесть месяцев в России...С. 142; Eyragues, marquis d'. Mémoires... P. 144.*

взгляд в сторону дипломатического корпуса «чье внимание, казалось, он призывал в свидетели»⁵⁴.

В 14.30 дипломатический корпус был введен в банкетный зал для приветствий императору, но из уважения к старинному обычаю иностранцы не остались на обед. Как и Мармон, Ла Ферронэ отмечает атмосферу радости, которая царила на улицах Москвы.

После церемонии коронации пришел черед многочисленных празднеств. Ла Ферронэ сообщал своему правительству, что во всех празднованиях благосклонность императора ко всему французскому давала о себе знать, особенно во время ужина, данного купцами в огромной зале манежа, построенной генералом Бетанкуром в 1817 г. напротив Кремля. «На этом ужине, после того, как генеральный губернатор сказал тост за здоровье императора и его семьи, Его Величество, адресуясь к принцу Пруссии и ко мне, произнес тост за здоровье принцев, его августейших друзей и союзников, и тотчас же гвардейский оркестр сыграл мелодию из "Да здравствует Генрих IV!"»⁵⁵. Причем последние слова подчеркнуты в оригинале. Это подчеркивание, вероятно, было сделано рукой самого Ла Ферронэ или М. де Дама или же служащим, который анализировал депешу для министра. Ансело также увидел в данной мелодии, исполненной во время ужина в манеже, бесспорный знак того, что из всех союзников Николай I предпочитает французов⁵⁶.

Как и в Санкт-Петербурге, Мармон открыл свой дом для московского общества и давал вечера каждую среду⁵⁷. Устроенный им 20 сентября праздник, по свидетельствам, удался на славу. Ла Ферронэ писал, что полный успех этого вечера сторицей вознаградил маршала за грандиозную подготовку, которая была проведена для того, чтобы он полностью ответил ожиданиям. Праздник объединил в освещенных салонах дворца Куракина около тысячи приглашенных. Император Николай I и императрица Александра Федоровна в сопровождении всей императорской фамилии и принцев Пруссии, Гессен-Гомбурга, Вюртемберга и всего двора прибыли в 9 часов вечера и остались до 3 часов утра, вопреки своей привычке рано укладываться спать. Богатый и обильный банкет был сервирован в 23 часа. Бал продолжился до 6 часов утра. Ла Ферронэ

⁵⁴*Eyragues, marquis d'. Mémoires...* P. 144.

⁵⁵Депеша Ла Ферронэ от 21 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 224.

⁵⁶См.: Ансело Ф. Шесть месяцев в России... С. 158.

⁵⁷Там же.

специально отмечает любезность императора по отношению ко всем, кто принадлежал к посольству Франции.

Мармон, в свою очередь, писал, что Николай I был очарователен во время данного им приема и удостоил его продолжительной беседы, занявшей около часа⁵⁸. Он подробно остановился на усилиях, которые были им приложены для того, чтобы праздник удался. Рядом с дворцом Куракина, по его распоряжению, была построена столовая, «украшенная в виде палатки, с трофеями и декорациями, подходящими к данному обстоятельству». Каждая дама получила по букету. Столовая комната была освещена тысячей свечей для того, чтобы свет имел сверкание солнца. Наконец, Мармон приготовил кантату, но император воспретил ее исполнение⁵⁹.

К концу пребывания в Москве оба французских посольства присутствовали на роскошных праздниках, данных князем Юсуповым и графиней Орловой. Ни один из послов не уточняет, отправился ли он на народное гулянье на Девичьем поле, где все было растоптано и разграблено, во всяком случае, печальный конец этого увеселения нашел отклик в их записях⁶⁰.

Дух соревнования между посольствами Франции и Англии, который был отмечен в Санкт-Петербурге, дал о себе знать и в Москве. Мармон писал, что празднества герцога Девонширского, которые закрывали серию увеселений, данных дипломатическим корпусом, были «посредственными и плохо организованными», привлекли мало гостей⁶¹. Ансело подтверждает эти слова: посол Англии потерпел поражение в своем соперничестве, четырех миллионов, щедро выделенных ему на представительство английским правительством, оказалось недостаточно против «хорошего вкуса маршала»⁶². Однако, по свидетельству современников, «хороший вкус» чрезвычайного посла дополнялся пышным образом жизни в Санкт-Петербурге и в Москве, так что расходы значительно превысили выделенные ему для этой цели средства — 300 000 франков. Конечно, эти средства выделялись из расчета, что посольство продлится шесть недель или два месяца. Дополнительное время, проведенное в России в ожидании церемонии, потребовало дополнительных расходов. Сказалась и склон-

⁵⁸Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 136.

⁵⁹Ibid. Vol. 8. P. 135–136.

⁶⁰Ibid. Vol. 8. P. 136–137.

⁶¹Ibid. Vol. 8. P. 136.

⁶²Ансело Ф. Шесть месяцев в России... С. 155.

ность самого маршала к расточительности. Эйраг полагал, что великолепные приемы Мармона обошлись в круглую сумму в 600 000 франков⁶³. По другим свидетельствам, он истратил на нужды своего представительства более миллиона⁶⁴. При этом знаменитый маршал, промотав собственное состояние во Франции, не располагал свободными денежными средствами в статусе чрезвычайного посла Карла X. Как результат, он влез в долги и вынужден был заложить предметы столовой посуды из золота. Дело закончилось тем, что Ла Ферронэ выплатил задолженность маршала его кредиторам⁶⁵.

Сентябрьская депеша Ла Ферронэ выражала удивление по поводу того, с какой небрежностью дворы Лондона и Вены были представлены в России в такой ответственный момент, как коронация императора, и когда война угрожала разразиться против Турции и Персии. Полномочный министр Англии Дисбров не получал никаких руководящих указаний от своего кабинета, герцог Девонширский был далек от дел как член оппозиции, Бомбель, поверенный в делах Австрии, казался незначительным, царствующий принц Гессен-Гомбургский, родственник императрицы, не занимался никакими политическими интересами. «Является ли это поведение месье Каннинга и месье де Меттерниха просчитанным или просто следствием случая? Это мне тем более невозможно определить, что я вижу только следствие, не будучи в состоянии понять мотив. Что определенно, так это то, что эта особенность замечена и служит еще большему сближению общественного мнения с Францией. Это мнение проявляется при всех обстоятельствах...»⁶⁶

В день церемонии коронации Ла Ферронэ удостоился звания кавалера ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Это было истолковано как новый залог интереса, которой посол короля Франции получил от российского двора. 28 сентября пришел черед маршала Мармона. Он казался очень горд этим: «Этот орден самый старинный и самый почитаемый в России, стоит орденов Святого Александра и Святой Анны вместе взятых. Русские сохранили ему большую ценность той умеренностью, с

⁶³*Eyragues, marquis d'*. Mémoires pour mes fils... P. 132.

⁶⁴*Poumies de La Siboutie*. Souvenirs d'un médecin de Paris. Paris, 1910. P. 187–188; *Montgaillard, abbé de*. Histoire de France pendant les années 1825, 1826, 1827 et commencement de 1828. T. 1. Paris, 1829. P. 407.

⁶⁵*Christophe R.* Le Maréchal Marmont: Duc de Raguse. Paris, 1968. P. 243.

⁶⁶Депеша Ла Ферронэ от 21 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 214.

какой они его вручают. В ту эпоху, когда я получил его, имелось всего лишь тридцать пять кавалеров Святого Андрея, считая иностранцев»⁶⁷.

Двое иностранных представителей при российском дворе, долее других пребывавших там в таком качестве, Шёлер от Пруссии, и Блом от Дании удостоились ордена Святого Александра, менее высокопоставленного в иерархии наград. Ла Ферронэ тем больше восхищался русской щедростью, что князь П. М. Волконский, который присутствовал в качестве чрезвычайного посла на коронации Карла X, не получил никакого знака отличия, который мог бы сравниться с орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Впрочем, именно разочарованием качеством приема, устроенного Волконскому, Ла Ферронэ объяснял тот факт, что более никто из посольства маршала не удостоился награды⁶⁸. При этом чрезвычайный посол Франции получил в подарок «дорогие меха, прекрасных скакунов и богатый ассортимент малахита»⁶⁹.

29 сентября Мармон получил прощальную аудиенцию у императора Николая I⁷⁰. После торжественного ужина в кругу других гостей, Мармон был приглашен к императору для приватной беседы в присутствии нескольких членов императорской семьи. Он записал свои впечатления о простоте и хорошем вкусе внутреннего убранства жилища императора России.

Маршал выехал из Москвы 4 октября вечером, после великолепно-го фейерверка, которым закончились празднества по случаю коронации Николая I. Описывая этот заключительный вечер, он не отказал себе в удовольствии употребить еще один напыщенный эпитет (по прошествии большого количества лет все представлялось ему великолепным): «Этот спектакль был бесспорно самым превосходным из тех, которые мне когда-либо довелось видеть»⁷¹. Пресыщенный лестным вниманием императора и его семейства, Мармон имел все основания считать свое посольство успешным, вследствие эффекта «кометы», которое оно произвело.

⁶⁷Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 138–139.

⁶⁸Депеша Ла Ферронэ от 29 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 250–251.

⁶⁹Ibid. Vol. 171. F. 250.

⁷⁰Ibid.

⁷¹Депеша Ла Ферронэ от 29 сентября 1826 из Москвы. CP Russie. Vol. 171. F. 250.

Выехав из Москвы, маршал поехал через Варшаву и Вену и прибыл в Париж 2 ноября, в день тезоименитства короля — Св. Шарля⁷².

Вернувшись в Санкт-Петербург в середине октября, Ла Ферронэ счел необходимым написать своему правительству длинную депешу, в которой попытался спрогнозировать будущее развитие франко-русских отношений. Он выразил в ней свою убежденность в том, что решительный характер молодого императора будет иметь следствием меньше почтительности с его стороны, чем склонны были думать в Париже. В действительности, он подозревал Николая I в активном поиске соглашения с Англией, намного более полезной ввиду его разногласий с Турцией, чем Франция. Ла Ферронэ, хотя и благодарный за особенное благоволение императора, уверяет свое правительство, что соблюдает осторожность и стоит на охране интересов Франции. В этом смысле, он считает маршала Мармона слишком доверчивым: «Я не желаю однако внушать слишком большую недоверчивость, не имея на то причин; но осмотрительность и осторожность в наших отношениях с Россией мне представляются необходимыми. Считаю себя тем больше обязанным поставить в известность без обиняков о своем личном мнении по этому поводу, что у меня есть основания полагать, что впечатление, вынесенное герцогом Рагузским из его пребывания в России, могло бы внушить ошибочное мнение, или, по меньшей мере, очень преувеличенное о личных настроениях императора в отношении Франции. Я не счел целесообразным стремиться побороть, ни даже ослабить это впечатление, разделяемое, впрочем, всеми, кто входил в состав этого чрезвычайного посольства. Мне подумалось, что было бы выгодно распространить во Франции мнение о том, что Россия ищет нашего союза и нашей близости»⁷³. По словам Ла Ферронэ, не только Мармон и его посольство попали впросак из-за предупредительного отношения императора, но и молодые иностранные дипломаты, которые пришли к заключению о наличии союза между двумя дворами⁷⁴.

Действительно, Мармон покинул Россию с верой в то, что политика Николая I, как и его чувства, сближают его с Францией, державой, которая располагает военным флотом, способным противостоять морскому могуществу Англии. «И нам понятна эта политика: полное отсутствие противоположных интересов между двумя странами, никакого источни-

⁷²Mémoires du maréchal Marmont... Vol. 8. P. 179–180.

⁷³Конфиденциальная депеша Ла Ферронэ к Даме от 14 октября 1826. CP Russie. Vol. 171. F. 160–161.

⁷⁴Ibid. Vol. 171. F. 260–278.

ка споров или дискуссий»⁷⁵. Интерес России, верил Мармон, состоит в том, чтобы искать союз Франции и в военное и в мирное время, до тех пор, во всяком случае, пока там обходится без революций⁷⁶. В то время как маршал с военной прямоотой принимал царские радушие за чистую монету, посол Ла Ферронэ, как было показано выше, призывал свое правительство к осторожности, подозревая императора в тайном стремлении к союзу с Англией. В свете дальнейших событий Ла Ферронэ оказался прав в своем анализе, хотя и оптимизм Мармона оправдал себя в более долгосрочной перспективе вследствие тесного союза России и Франции в русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Высочков Л. В. Николай I. М.: Молодая гвардия (серия «Жизнь замечательных людей»), 2003. 693 с.

Гончарова Т. Н. Между Парижем и Санкт-Петербургом. Посольство Франции в России (1814–1848). Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2017. 318 с.

Гончарова Т. Н. Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2017. № 17(2). С. 48–79.

Гончарова Т. Н. Консульская служба Франции в России: от основания до 1814 г. // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 61–68.

Игнатченко И. В. Карл X и Июльская революция 1830 года // Новая и новейшая история. 2017. № 1. С. 14–24.

Киняпина Н. С. Внешняя политика Николая I // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 192–210; № 2. С. 139–152.

Мильчина В. А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. СПб.: Гиперион, 2006. 528 с.

Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815–1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М.: Наука, 1998. 266 с.

Шиканов В. Н. Созвездие Наполеона. Маршалы Первой империи. СПб.: Изд-во «Шатон», 2006. 468 с.

Шильдер Н. К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо (серия «Российские самодержцы»), 2008 (1-е изд. 1903). 464 с.

Christophe R. Le maréchal Marmont, Duc de Raguse. Paris: Hachette, 1968. 288 p.

⁷⁵Mémoires du maréchal Marmont...Vol. 8. P. 54.

⁷⁶Ibid.

Floriet L. Marmont. Maréchal d'Empire 1774–1852. Paris: Éditions du Quotidien, 2003. 434 p.

Heller M. Histoire de la Russie et de son empire. Paris: Flammarion (collection «Champs»), 1999. 982 p.

Martens F. de. La Russie et la France pendant la Restauration // Revue d'histoire diplomatique. 1908. P. 161–248.

Sorel A. L'alliance russe et la Restauration // Essais d'histoire et de critique. Paris, 1894. P. 95–115.

Vitale S. Le bouton de Pouchkine. Enquête sur la mort d'un poète. Paris: Plon, 1998. 347 p.

Waresquiel E. de. C'est la Révolution qui continue! La Restauration 1814–1830. Paris: Tallandier, 2015. 430 p.

REFERENCES

Christophe R. *Le maréchal Marmont, Duc de Raguse*. Paris: Hachette, 1968. 288 p.

Floriet L. *Marmont. Maréchal d'Empire 1774–1852*. Paris: Éditions du Quotidien, 2003. 434 p.

Goncharova T. N. *Mezhdú Parizhem i Sankt-Peterburgom. Posol'stvo Francii v Rossii (1814–1848) [Between Paris and St. Petersburg. Embassy of France in Russia (1814–1848)]*. Saint-Petersburg: RHGA Publ., 2017. 318 p. (In Russian)

Goncharova T. N. Russkaja politika kabinetov Restavracii i Ijul'skoj monarhii [A Russian policy of the governments of the Restoration and July monarchy], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2017. № 17(2). P. 48–79. (In Russian)

Goncharova T. N. Konsul'skaja sluzhba Francii v Rossii: ot osnovanija do 1814 g., in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2009. № 3. P. 61–68.

Heller M. Histoire de la Russie et de son empire. Paris: Flammarion (collection «Champs»), 1999. 982 p.

Ignatchenko I. V. Karl X i Ijul'skaja revoljucija 1830 goda [Charles X et la révolution de Juillet 1830], in *Novaja i novejschaja istorija [Modern and Contemporary history]*. 2017. № 1. P. 14–24. (In Russian)

Kinjapina N. S. Vneshnjaja politika Nikolaja I [Foreign policy of Nicholas I], in *Novaja i novejschaja istorija [Modern and Contemporary history]*. 2001. № 1. P. 192–210; № 2. P. 139–152. (In Russian)

Martens F. de. La Russie et la France pendant la Restauration, in *Revue d'histoire diplomatique*. 1908. P. 161–248.

Mil'china V. A. *Rossija i Francija. Diplomaty. Literatory. Shpiony [Russia and France. Diplomats. Literators. Spies]*. Saint-Petersburg: Giperion Publ., 2006. 528 p. (In Russian)

Orlik O. V. *Rossija v mezhdunarodnyh otnoshenijah 1815–1829 gg. (Ot Venskogo kongressa do Adrianopol'skogo mira) [Russia in international relations. From the Vienna Congress to the Adrianople Peace Treaty]*. Moscow: Nauka Publ., 1998. 266 p. (In Russian)

Sorel A. L'alliance russe et la Restauration, in *Essais d'histoire et de critique*. Paris, 1894. P. 95–115.

Shikanov V. N. *Sozvezdie Napoleona. Marshaly Pervoj imperii [The constellation of Napoleon. Marshals of the First Empire]*. Saint-Petersburg.: Izdatel'stvo «Shaton» Publ., 2006. 468 p. (In Russian)

Shil'der N. K. *Imperator Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Nicholas I. His life and reign]*. Moscow: Jeksmo Publ., 2008 (1-e izd. 1903). 464 p. (In Russian)

Vitale S. *Le bouton de Pouchkine. Enquête sur la mort d'un poète*. Paris: Plon, 1998. 347 p.

Vyskochkov L. V. *Nikolaj I [Nicholas I]*. Moscow: Molodaja gvardija Publ., 2003. 693 p. (In Russian)

Waresquiel E. de. *C'est la Révolution qui continue! La Restauration 1814–1830*. Paris: Tallandier, 2015. 430 p.